

DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.028
УДК 929:82-94Бажов:351.751.6

М. А. Литовская
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ П. П. БАЖОВА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Статья посвящена проблеме изучения жизни и творчества П. П. Бажова академическим литературоведением и дальнейшей интерпретации этой информации российскими СМИ 2010-х гг. Особое внимание уделено проблеме истолкования биографии писателя, факты которой отчасти сообщены самим литератором в его художественных и автокомментирующих текстах (в первую очередь, письмах и очерках), отчасти обнаружены и обнародованы исследователями после его смерти. Академическое литературоведение предлагает три основных варианта интерпретации творческого поведения Бажова: правоверный советский писатель, *genius loci* Урала, писатель-конформист модернистского толка. Выявлен парадоксальный способ использования в научно-популярных и массовых текстах СМИ результатов подобных интерпретаций, а также сообщенной Бажовым информации о себе. С одной стороны, культ писателя-классика, сложившийся в результате «солидарного чтения», одновременно и поддерживается, и разрушается разнообразными версиями «жизнетворческого спектакля» автора — героя популярной лекции или статьи. Поддержка выражается в признании его непререкаемой значимости, когда многообразие истолкований фактов биографии Бажова, в том числе не выдерживающих научной критики, воспринимается как залог жизнестойкости имени автора-классика в социальном пространстве. С другой стороны, «тайная» биографическая информация, которая по различным — в случае Бажова вполне объяснимым — причинам не была предметом публичной автобиографической рефлексии автора, преподносится широкой аудитории как наиболее интересная. В результате не контролируемая экспертным сообществом редукция образа писателя приводит к дрейфу ценностных значений, когда наиболее тиражируемыми оказываются не толкование результатов творчества, а неverified факты биографии, вызывающие у аудитории поверхностную эмоциональную сопричастность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: П. П. Бажов; эго-документы; интерпретация; творческое поведение; история литературы; СМИ

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект 19-18-0021 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте».

Ц и т и р о в а н и е: Литовская М. А. Образ П. П. Бажова в современных российских СМИ: биографический поворот. DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.028 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 138–150.

Поступила в редакцию: 27.12.2019

Принята к печати: 18.03.2020

Maria A. Litovskaya

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Yekaterinburg, Russia*

IMAGE OF P. P. BAZHOV IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA: A BIOGRAPHICAL TURN

This article considers issues underlying the way in which academic literary criticism studies the life and fiction of P. P. Bazhov and their further interpretation by the Russian media in the 2010s. Special attention is paid to the interpretation problem of the writer's biography, whose facts are partly related by the writer himself in his fiction and self-commenting texts (e.g., letters and essays), partly discovered and published by researchers after his death. Academic literary criticism provides three main interpretations of Bazhov's creative behaviour, characterising him as an "orthodox" Soviet writer, a *genius loci* of the Urals, and a conformist writer with a modernist standpoint. The article reveals a paradoxical way in which the results of such interpretations and information reported by Bazhov about himself are used in popular scholarly and mass media texts. On the one hand, the cult of a classic writer, formed as a result of "solidary reading", is simultaneously supported and destroyed by various versions of the "life-creating performance" of the author, a character of a popular lecture or article. Support is expressed in the recognition of his indisputable significance when the variety of interpretations of Bazhov's biography facts, including those that are easily refuted by academic criticism, is perceived as a guarantee of the viability of the classic author's name in social space. On the other hand, "secret" biographical information, which was not a subject of public autobiographical reflection of the author for a variety of reasons (which is quite understandable in the case of Bazhov), is presented to the public as the most interesting. Consequently, the reduction of the writer's image, uncontrolled by the expert community, leads to a change in values, when the focus shifts from the results of his creative work to unverified "scandalous" facts of the writer's biography which make the reader attached emotionally though not profoundly.

Key words: P. P. Bazhov; ego-documents; comments; interpretation; creative behaviour; literary criticism; media

Acknowledgements

The research is supported by a grant of the *Russian Science Foundation*, Project 19-18-0021 "Ego-Documents: Inter-Source Dialogues about Russia of the First Half of the 20th Century in the Historical and Literary Context".

For citation: Litovskaya, M. A. (2020). Obraz P. P. Bazhova v sovremennykh rossiiskikh SMI: biograficheskii povorot [Image of P. P. Bazhov in the Modern Russian Media: A Biographical Turn]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 2 (198), 138–150. doi: 10.15826/izv2.2020.22.2.028

Submitted: 27.12.2019

Accepted: 18.03.2020

В 2004 г., задавая вопросы екатеринбургским школьникам, что они знают о Павле Петровиче Бажове, со сказами которого подавляющее большинство из них познакомились в детстве, инициатор опроса Е. Н. Пивоварова отмечала, что факты биографии писателя анкетированными не упоминались. Из всего, что происходило в жизни с «дедушкой Бажовым» за пределами сказов, молодым читателям было известно только то, что он когда-то жил на Урале. Выборочный опрос старшеклассников 2019 г. показал, что немало школьников, кроме названий нескольких сказов П. П. Бажова да некоторого числа имен его персонажей, знают о том, что Бажов из семьи рабочего, но получил духовное образование, что он был женат на своей ученице и его «исключали из партии». Характерно, что, отвечая на вопрос о том, откуда вам известны факты биографии писателя, старшеклассники ссылались на то, что это «всем известно», об этом «сейчас часто говорят».

Что же произошло за эти пятнадцать лет? Можно ли говорить о формировании какого-то нового поворота в академическом изучении творческого наследия П. П. Бажова? Какой образ писателя формируется в современных научно-популярных и массовых текстах о нем?

Бажову — автору сборника «Малахитовая шкатулка», первый вариант которого впервые вышел в 1939 г. и с тех пор в постоянно меняющемся виде издавался десятки раз, — везло. Сказы Бажова пришлось ко двору советской литературы, критики хорошо выполнили свою работу: обнаружили в провинциальном сборнике необычные тексты, привлекли внимание к «чудесному вкладу» уральского «сказочника» в словесность, включили сказы в актуальный культурный контекст, предложили первые их интерпретации с учетом уровня подготовки читателя и актуального социального заказа [см.: Павел Петрович Бажов : библиографический указатель, с. 171–184].

Со временем число исследователей творчества П. П. Бажова предсказуемо выросло, сформировались направления интерпретации его сказов, иногда прямо противоположные. Толкование произведений писателя зависело от научной моды, политического контекста, социальных ожиданий, авторитета предшественников, множества иных причин, но в конечном итоге каждый новый автор пытался разгадать причину неожиданного успеха малоизвестного свердловского журналиста, который первоначально почему-то публиковал свои оригинальные произведения как записи фольклорных текстов.

Монография Л. И. Скорино [1947], изданная в Москве, что было важно для репутации автора из провинции, не только закрепила статус Бажова как значимого писателя и на несколько десятилетий вперед предопределила направления исследования его «жизни и творчества». Задала она также методику подобных исследований — с опорой на устные и письменные автокомментарии писателя. Работая над монографией об уникальном для советской литературы авторе, критик придумала привлечь героя книги к объяснению собственного творчества. Сохранившиеся письма П. П. Бажова [Павел Петрович Бажов. Письма, с. 134–137, 163–274, 227–231] показывают, как обстоятельно отвечает писатель

на устные и письменные вопросы автора первой книги о нем о родственниках, годах учебы, книжных пристрастиях. По сути, писатель сам — хотя в тексте работы Л. И. Скорино это не всегда очевидно — выстраивает вариант своей житейской и литературной биографии до «Малахитовой шкатулки». Этот вариант долгое время сомнению не подвергался: уралец из рабочей семьи, советский журналист, знаток родного края, автор сказов. Вышедший при непосредственном участии вдовы писателя Валентины Александровны и лично знавшего Бажова литературоведа М. А. Батина сборник «Публицистика. Письма. Дневники» [Бажов] подкрепляет такое представление о Бажове: в книге, что характерно для времени ее публикации, внимание полностью сосредоточено на собственно творческих вопросах, хотя это привело составителей к необходимости сокращать бажовские тексты.

В 1950–1980-е гг. исследователи, по-прежнему опираясь на доступные автокомментарии П. П. Бажова [см., например: Батин], включают творчество П. П. Бажова во все более широкий литературный и фольклорный контекст, рассматривая самобытность творчества писателя как вариант уже существующих в отечественной словесности тенденций развития исторических нарративов и сказовой формы [Блажес; Слобожанинова, 1981; и др.]. Тем самым они, кроме всего прочего, доказывали легитимность причисления писателя к числу прославленных оригинальных советских авторов.

Открывшиеся в 1980-е гг. архивные материалы направили внимание от интерпретаций «Малахитовой шкатулки» к фактам биографии писателя, которые ранее было невозможно обсуждать и о которых сам писатель и по личным, и по политическим причинам избегал говорить, а также к текстам Бажова, на которые до этого не обращали внимания [Неизвестный Бажов]. Публикует свои находки Н. В. Кузнецова, десятилетиями кропотливо собиравшая факты о жизни писателя. Именно она нашла брошюру, после которой представления о Бажове как правоверном большевике существенно изменились [Кузнецова, 1993], собрала воедино факты драматически сложного положения Бажова в 1930-е гг. [Кузнецова, 1997]. Кроме того, находки бажововедов позволили увидеть в Бажове общественного деятеля, а также историка-исследователя со своей программой [Плотников].

В свою очередь, биографические обобщения позволили более или менее аргументированно обсуждать актуальные для общественной мысли второй половины 1980–1990-х гг. вопросы: как повлияло на Бажова духовное образование? каким было его участие в работе советских организаций? вписывается ли его творчество в направление социалистического реализма? и т. п. Бажова пытались защитить от репутации правоверного советского писателя [Слобожанинова, 2000], но тема эта перестала быть актуальной, и дальнейшее осмысление жизни и творчества писателя пошло по иному пути.

В начале XXI в. исследователи, рассуждая о «Малахитовой шкатулке», все чаще выходили за пределы «чистого» литературоведения в более широкое поле гуманитарного знания, обнаруживая в сказах неоднозначный комплекс

историософских, религиозно-мифологических, психосоциальных и собственно эстетических элементов. Творческую деятельность П. П. Бажова начинают помещать в широкий культурологический контекст, рассматривая писателя в первую очередь в качестве уральского *genius loci*. М. П. Никулина в развернутом эссе о Бажове представляет его как автора, который образно точно выразил сущность Урала и уральского человека с характерными для него верностью Месту, уважением к воле камня и своей земли [Никулина].

Новое прочтение краеведческих очерков П. П. Бажова как основы, а «Малахитовой шкатулки» как образца уральской мифологии, написанной с учетом бытовавших в регионе легенд и преданий, было поддержано теми, кто изучал популярную на рубеже тысячелетий тему формирования региональной идентичности. В рамках этих подходов Бажов был представлен как создатель оригинального авторского эпоса — текста, основанного на коллективной памяти, представляющего приемлемую для широкого круга воспринимающих интерпретацию исторического развития региона и художественный анализ его специфики [Бажовская энциклопедия, с. 5–7].

На этой волне изучение творчества писателя перешло в фазу нового обобщения: усилиями бажоведов нескольких поколений создается «Бажовская энциклопедия» (2007), начинается академическая подготовка собрания сочинений писателя¹. Параллельно с этим предпринимаются попытки определить социальную роль всей совокупности текстов Бажова [Литовская, 2010б], их влияния на последующую литературу [Абашев; Барковская; Литовская, 2010а; и др.].

Если подводить предварительный итог того, какое представление о жизни и творчестве писателя сформировалось в академическом бажоведении к настоящему времени, можно говорить о довольно стройной картине, не отменяющей, конечно, возможности разночтений.

Скромный провинциальный учитель, которого, как многих на рубеже 1910–1920-х гг., политическая ситуация вынесла в бурную и небезопасную общественную деятельность, написал книгу, сразу ставшую знаменитой. Сборник «Малахитовая шкатулка» — образец синтеза профессионального и народного словесного искусства, созданный в формате литературы «для народа», написанный от лица людей труда, предложил доступные сознанию широкого читателя образы, созвучные представлению о себе жителей региона и — шире — трудящихся людей. Автор с яркой манерой письма благодаря тематике своих сказов органично включился в гомогенизированную к концу 1930-х гг. официальную советскую культуру, занял положение «живого» классика советской литературы в период самого жесткого идеологического надзора. Он оказался, по сути, родоначальником нового взгляда на российского *homo laboris*. Внутренне свободный рабочий человек, по собственной инициативе и воле осваивающий тонкости профессии, мастер, достойно проходящий все этапы личностной реализации,

¹ На сегодняшний день вышел том писем П. П. Бажова [Павел Петрович Бажов. Письма]; сдан в печать подготовленный по академическому текстологическому стандарту сборник «Малахитовая шкатулка».

до этого героем в отечественной литературе не был. Сосредоточившись исключительно на локальном материале, Бажов в то же время ориентируется на общегуманитарные проблемы труда, творчества, цены таланта, свободы, счастья. В результате сказы писателя относительно благополучно переживут смену общественного строя и доминирующих культурных парадигм.

Опубликованные бажовские эго-документы, в первую очередь, его эпистолярный, позволяют уточнить логику творческого движения автора в зрелые годы. Личные, не предназначенные для печати письма не столько рассказывают нам жизненную историю автора, сколько фиксируют круг его интересов и занятий, дают автокомментарии к ним.

При всей значимости «мысли семейной» в переписке Бажова нельзя не отметить, что в его письмах открывается образ человека, который ищет (и не находит) собеседника для обсуждения на равных сложных эстетических и историософских проблем. Писатель стремится «вербовать» авторов на выполнение своей программы по воссозданию новой картины уральского прошлого. В сказах 1940-х гг., многие из которых литературоведы традиционно признают неудачными, Бажов намечает, иногда конспективно, перспективные направления будущих ураловедческих исследований региональной истории как истории мастеров, заводов и ремесел, предлагает свой вариант описания их в разработанном им ранее «легендарном», мифологизированном ключе с опорой на коллективную память. Он обращает внимание своих корреспондентов на разнообразные источники сведений о регионе и возможности их трактовок. Занимая особое положение на Урале, Бажов ищет коллег, которые поддержали бы его поиски: даже отсутствие дара слова, по его мнению, можно компенсировать дотошным изучением фактографии, переходом в очеркисты и т. п.

Чем полнее осознается бажовская творческая биография (переопределение ключевых понятий уральской истории и «перевод» ее в демократическую сказовую форму; пересмотр значения сказов и выступлений последнего периода жизни; благотворность автономизации творческого поведения автора, его существования вне групп и саморекламы), тем более последовательным представляется жизненный путь и место Бажова в культуре XX в.

По мере применения все более изощренных инструментов истолкования образ Бажова приобретает в глазах интерпретаторов черты модернистского писателя едва ли не авангардистского толка: правоверный советский служащий в 60 лет становится автором странных художественных текстов с полуфольклорным анамнезом. Осторожный (что неудивительно при его биографии, полной до сих пор не до конца известных политических приключений) сервильный журналист мгновенно превращается в культурного лидера региона. Сказовое творчество, содержательно связанное с мифогенным центральным мотивом Тайной силы, а также необычный облик писателя, его старомодная сдержанность в манере общения, умелая осторожность в обращении с людьми способствовали тому, что мемуаристы наделяли Бажова качествами «мастера, мудреца, сказочника» [Мастер, мудрец, сказочник: воспоминания...]. Его творческие амбиции

явно выходят за рамки собственно писательства: он не только занимает позицию эксперта в историческом прошлом региона, но и по-своему переписывает эту историю. Наконец, ему удается выработать тактику поведения, которая позволила продуктивно балансировать между государственными требованиями и насущной потребностью читательской аудитории в самоопределении, а его текстам занять нишу главных представителей Урала в мировой культуре.

Активное изучение творчества П. П. Бажова сопровождалось не менее активным внедрением в читательские круги его произведений, что оказалось довольно легко. Как уже отмечалось выше, академическое литературоведение на разных этапах предлагало варианты интерпретации творческого поведения Бажова (правоверный советский писатель, писатель-конформист, *genius loci* Урала, писатель-модернист), которые адаптировали для широкого читателя. Но главной причиной популярности Бажова, скорее всего, оказалось не многократное комплиментарное объяснение его достоинств «профанному» читателю, а то, что землякам не пришлось учиться его любить, так как он предложил уральцам красивую историю края, выразительные типажи населяющих его людей, сформулировал житейские принципы, которым стоит следовать.

Казалось бы, в отношении «уральского сказочника» в обществе сложился феномен «солидарного чтения» [Панова, с. 40–41], сопровождающийся не иссякающими способами выражения социального почтения к Бажову как гению места. Переиздания книг, дома-музеи, экскурсионные программы, памятники, спектакли — известный каждому уральцу с детства Бажов является в регионе «культовым» писателем.

Осознаваемая значимость бажовского творчества для формирования советской и, в частности, уральской идентичности актуализирует критико-публицистический подход к фигуре Бажова [Иванов; Лукьянова; Славникова; и др.], когда факты биографии писателя выстраиваются в удачно срежиссированный автором текста жизнетворческий спектакль. Обычно такого рода статьи и эссе предлагают общий абрис жизни и творчества писателя, основанный на современных историко-литературных изысканиях, связывающий их результаты с актуальным социальным воображаемым.

Так, Д. Быков в одной из своих лекций объясняет популярность Бажова у советской власти социальным заказом, ведь писатель «был некоторое время автором уральской космогонии, создателем местного мифа. <...> Думаю, что из всех попыток выдумать советский фольклор эта была самой удачной и органичной» [Быков]. Причиной же актуальности Бажова сегодня, по мнению автора, являются современные политические реалии: «...современному человеку в России просто ничего не остается, кроме как вытачивать каменный цветок. Потому что остальные формы участия в общественной жизни совершенно не востребованы <...>. Это не общий выход для страны. Но, может быть, спасение сегодня сугубо индивидуально: оно заключается в том, чтобы каждый превратился в Данилу-мастера. А там, глядишь, из этого получится что-то и для всех вообще» [«Сталинская империя...»].

Но какими бы эффектными ни были извлекаемые авторами-публицистами смыслы произведений писателя, Бажов как любой «культовый» автор обладает нераскрытой «тайной» главного произведения. Она по определению не может быть разгадана, но потребность в разгадке у широкого читателя есть.

Главная книга Бажова не только не вытекает из всей его предшествующей биографии, но как будто противостоит ей. Соединение в одной жизни работы в цензурном комитете и, по сути, альтернативной официальной истории региона, обучения в духовной семинарии и выраженного антиклерикализма, поведения «мудреца» и открытой предвзятости «Сказов о немцах», отраженной в письмах битвы за создание заказной документальной книги о строительстве Камского бумажного комбината и параллельного создания полуфантастических сказов плохо «стыкуется».

Воссоздание биографии писателя кажется одной из возможностей объяснить бажовский феномен. В академическом литературоведении существует созданная Н. В. Кузнецовой и завершенная после ее смерти В. В. Горевой «Летопись жизни и творчества Бажова» [Бажовская энциклопедия, с. 506–564], но она заведомо неполная. В жизненной истории Бажова, как и большинства его современников, немало «темных» страниц: обстоятельства не располагали к исповедям, но популярный писатель — лицо по определению публичное. В стремлении узнать о нем как можно больше потомки обнаруживают то, что сам человек скрывал со всем возможным тщанием.

Интерес к истории жизни необычного писателя усугубляется тем, что сказы известны публике с детства, но они не помогают понять Бажова. Научно-популярная биография П. П. Бажова выстраивается заново [Сутырин], в ней даются ответы на многие вопросы: отчего сын сысертского рабочего Павел Бажов стал Павлом Бажовым? зачем камышловский учитель словесности написал эсеровскую брошюру о трудовом крестьянстве? почему в 1930-е гг. автор правомерно советских «заказных» документальных повестей был исключен из партии? как вел себя уже знаменитый писатель во время репрессивных кампаний второй половины 1940-х гг.? В отличие от более раннего варианта очерка жизни и творчества Бажова [Слобожанинова, 2000] новая биография включается преимущественно в идеологические и политические контексты российской истории, а создание «Малахитовой шкатулки» становится всего лишь одним из фактов в истории жизни «знаменитого уральца»². Объясняет ее появление В. Сутырин эзотерически — через предопределение, зодиакальные соответствия, мыслеформы и т. п.

Заведомо упрощающий разгадку главной «тайны» ход отчасти, видимо, обусловлен меняющимся характером отношения широкой публики к Бажову. Многолетнее выстраивание региональной идеологии (и связанной с ней символики) вокруг фигуры Бажова как заглавной привело к тому, что за долгие годы в массовом сознании Бажов превратился в хрестоматийную фигуру — уральского дедушку-сказочника, преимущественно детского автора. Этот образ

² Книга В. Сутырина вышла в серии «Жизнь знаменитых уральцев».

нередко иронически снижается, отчасти из-за недостаточно высокого статуса детской литературы, отчасти из-за усталости от того, что иногда определяют как «бажовщину» [см., например: Казанцев; Волович]³. Биографические факты могут помочь символически «вернуть» писателя в круг «взрослой» культуры.

Одновременно растущая фамильярность по отношению к дедушке-классику, главной приметой которого является борода [Дубичева]⁴, переносит внимание на странности биографии Бажова, позволяя сделать его творческие тайны менее значительными.

Наиболее радикальным становится обвинение писателя в том, что он «заимствовал» свои сказы у других писателей. Так, Д. Г. Галковский в 2009 г., игнорируя даты публикации текстов Бажова, утверждает: «В 1941 году на Урал эвакуировалось большое число писателей из столиц: Москвы, Ленинграда, Киева. Все они поступили в формальное подчинение Бажова. Он ведал выделением жилья, карточек, трудоустройством. Внезапно у старика начался прилив творчества. Пошли “Малахитовые шкатулки” ...» [Галковский].

В 2018 г. в передаче радио «Маяк» профессор, доктор филологических наук Ю. В. Доманский рекомендует читать «Малахитовую шкатулку» («удовольствие получите»), а перед этим в беседе с ведущими увлеченно рассказывает драматические факты биографии писателя, подчеркивая, что Бажов «не знал женщин до 30 лет», работал цензором, «проталкивал» интересы Урала, был дедушкой Е. Т. Гайдара, и дедушка с внуком — каждый в свое время — легко меняли свои политические взгляды, и т. п. [Павел Бажов].

В 2010-е гг. в российских СМИ неоднократно перепечатывались анонимные «10 фактов о Павле Бажове», которые, в частности, были рекомендованы к распространению Центральной библиотечной системой для интернет-публикации в календарях памятных дат, которые ведут многие библиотеки [Малахитовые цветы...; Мастер. Мудрец. Сказочник; Мемория; и др.]. Что же, как предполагается, должен знать о Бажове современный читатель? Факты, связанные с популярностью «Малахитовой шкатулки» (по мотивам сказов Бажова создано много произведений в других видах искусства; в фантастическом романе «Fortune's Fool» (2007) Мерседес Лэки наряду с Бабой-Ягой, Коньком-Горбунком и русалками действует Хозяйка Медной Горы). Биографические факты: происхождение фамилии писателя, исключение из коммунистической партии и т. п.

Про творчество же Бажова сообщается, что Хозяйка Медной Горы была известна в уральском фольклоре под многочисленными другими именами, что сказы «Солнечный камень», «Богатырева рукавица» и «Орлиное перо» посвящены В. И. Ленину, а знаменитый Данила-мастер из сказов Бажова имел в качестве реального прототипа Данилу Зверева, хотя ни один из этих фактов не является полностью правдивым.

³ Иной взгляд на этот феномен см.: [Шабуров].

⁴ В Год Бажова, объявленный в Свердловской области в 2019 г., в Полевском открыли памятник «Борода Бажова» [Георгиева].

Вокруг памяти писателя образуется поле полуложной-полуправдивой информации, в котором создаются все новые и новые варианты биографии и общих интерпретаций творчества. Разрозненные факты оформляются для массового читателя в приключенческую историю советского «хождения по мукам» со счастливым концом, основанную на популярном стереотипе о «настоящем» писателе-страдальце. «Хождение по мукам Павла Бажова. Как писатель скрывался от белых, менял фамилию и дважды лишался партбилета» [Филиппов] — так называется статья о «полосатой жизни» [Гладышев] писателя в популярном издании.

В более облегченных вариантах биографических текстов Бажов предстает воплощением образа истинного Водолея [Садовская]. Приобретают популярность также тексты, где смешение фактов биографии Бажова, эпизодов из сказов и слухов придает inferнальность образу писателя («Бажов пишет: Горе тому, кто встанет у рифейца на пути. Что будет — читай “Приказчиковы подошвы”» [Коробкова]), примитивизируют как образы его персонажей, так и литературоведческую их интерпретацию: «Единственный смысл несчастливой и короткой жизни для героев — с головой нырнуть в высекание каменных цветков» [Там же].

В условиях кризиса верификации, характерного для современной культурной ситуации, когда проверка фактов затруднена, а институт экспертов в конкретной профессиональной области используется избирательно [см., например: Басинский] и вовсе не распространяется на многие сегменты медийного пространства, мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию. Культ писателя-классика, сложившийся в результате выработанного «солидарного чтения» профессионалов и широкой публики одновременно как поддерживается, так и разрушается разнообразными версиями «жизнетворческого спектакля» интерпретируемого автора. Поддержка выражается в признании значимости Бажова, когда многообразие интерпретаций фактов его биографии, в том числе и не выдерживающих научной критики, воспринимается как залог жизнестойкости имени в социальном пространстве.

С другой стороны, «тайная» биографическая информация, которая по различным — в случае Бажова вполне объяснимым — причинам не являлась предметом публичной автобиографической рефлексии автора, преподносится широкой аудитории как наиболее интересная. Напротив, то, что, собственно, и сделало Бажова классиком, что он считал важным и значительным, на что обращал внимание как в своих художественных, так и в эго-текстах, а также истолкование этой рефлексии профессионалами уходит из поля зрения читателя-неспециалиста. В результате не контролируемая экспертным сообществом редукция образа писателя до субъекта ряда житейских приключений приводит к дрейфу связанных с его творчеством ценностных значений. Наиболее тиражируемыми оказываются не толкование результатов творчества и иных типов авторефлексии, а не всегда верифицируемые факты биографии, вызывающие у аудитории поверхностную эмоциональную сопричастность. Бажов в результате остается

сказочником, автором «страшноватых» и «красочных» сказок [Степнова, с. 264], с которыми по каким-то причинам полагается знакомить детей.

Источники

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники / сост. В. А. Бажова, М. А. Батин. Свердловск : Кн. изд-во, 1955.

Басинский П. Семь самых злых мифов о Льве Толстом // Российская газета. 2019. 9 сентября. С. 9.

Быков Д. Павел Бажов. 03.01.2017. URL: <https://www.facebook.com/BykovDmitriyLvovich/photos/a.256724381038395/1374622575915231/?type=1&theater> (дата обращения: 15.12.2019).

Волович Е. Бажовщина vs Шахринщина. URL: <http://blog.egan.ru/bazhovshhina-vs-shaxrinshhina.html> (дата обращения: 12.12.2019).

Галковский Д. Е. 594. Социализм с человеческим лицом // Дмитрий Галковский. 2009-12-17. URL: <https://galkovsky.livejournal.com/156430.html> (дата обращения: 12.12.2019).

Георгиева Н. Уникальный арт-объект «Борода Бажова» появился в Полевском // Областная газета. 15.01.2019. URL: <https://www.oblgazeta.ru/culture/89124/> (дата обращения: 12.12.2019).

Гладышев В. Полосатая жизнь Павла Бажова // Ураловед : [сайт]. Опубл. 27.11.2013. URL: <https://uraloved.ru/ludi-urala/polosataya-zhizn-bazhova> (дата обращения: 12.12.2019).

Дубичева К. Дорога патриарха. В Екатеринбурге показали фотографии уральского сказителя без бороды // Российская газета. Урал. 2019. № 33 (7791). С. 19.

Иванов А. Горнозаводская цивилизация. М. : АСТ, 2014.

Казанцев Л. Глава V. Бажовщина Underground // Проза.ру : [сайт]. 2010. URL: <http://www.proza.ru/2010/06/29/171.html> (дата обращения: 08.10.2018).

Коробкова Е. Страшные сказы уральского Гомера // Комсомольская правда. 2019.01.02. URL: <https://www.kp.ru/daily/26936/3987203/> (дата обращения: 12.12.2019).

Кузнецова Н. В. Самая первая книга Бажова // Уральский следопыт. 1993. № 1. С. 60.

Кузнецова Н. В. Репрессированный Бажов // Урал. 1997. № 5/6. С. 143–148.

Лукьянова И. Семь жизней Павла Бажова // Русский мир. 2018. № 1. С. 48–55.

Малахитовые цветы хозяина сказов // Норильская централизованная библиотечная система : [сайт]. Опубл. 25.01.2019. URL: <http://mucbs.ru/books/exhibitions/i151197/> (дата обращения: 12.12.2019).

Мастер, мудрец, сказочник: воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М. : Сов. писатель, 1978.

Мастер. Мудрец. Сказочник // Челябинская областная библиотека для молодежи : [сайт]. Опубл. 24.01.2019. URL: <http://www.mbi74.ru/kalendar-znamenatelnykh-dat/2702> (дата обращения: 12.12.2019).

Мемория. Павел Бажов // Полит.ру : [сайт]. Опубл. 27.01.2016. URL: <https://polit.ru/news/2016/01/27/bazhov/> (дата обращения: 12.12.2019).

Неизвестный Бажов: малоизвестные материалы о жизни писателя / сост. Н. В. Кузнецова. Екатеринбург : Баско, 2003.

Никулина М. П. Камень. Гора. Пещера. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002.

Павел Бажов — Неизвестное об известном. Пора домой // Радио «Маяк». 30.01.2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=z_kGeTjt6mI (дата обращения: 12.12.2019).

Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост. Г. А. Григорьев, Л. С. Григорьева. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018.

Садовская И. Колдун с Медной горы // Story. 2019. № 1–2. С. 140–142.

Славникова О. Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. С. 294–304.

Слобожанинова Л. М. Сказы — старины заветы: очерк жизни и творчества Павла Петровича Бажова (1879–1950). Екатеринбург : Пакрус, 2000.

«Сталинская империя заложена в характере русского народа». Дмитрий Быков о том, как уральский писатель Бажов придумал советский фольклор // ZNAK : интернет-газета. 05.02.2018. URL: https://www.znak.com/2018-02-05/dmitriy_bykov_o_tom_kak_ural'skiy_pisatel_bazhov_pridumal_sovetskiy_folklor (дата обращения: 12.12.2019).

Степнова М. Женщины Лазаря. М. : Астрель, 2012.

Сутырин В. Павел Бажов. Биографическое повествование. Екатеринбург : Сократ, 2012.

Филиппов А. Хождение по мукам Павла Бажова. Как писатель скрывался от белых, менял фамилию и дважды лишился партбилета // Российская газета — Неделя. 2019. № 15 (7773). URL: <https://rg.ru/2019/01/24/kak-bazhov-skrывalsia-ot-belyh-menial-familiuu-i-lishalsia-partbileta.html> (дата обращения: 12.12.2019).

Шабуров А. Бажовский китч: советское тиражное искусство на сюжеты уральских сказов : каталог выставки. Екатеринбург, 2019.

Исследования

Абашев В. В. Образы горной мифологии П. П. Бажова в романе Ольги Славниковой «2017» // П. П. Бажов в меняющемся мире / отв. ред. В. Б. Королева. Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2014. С. 152–167.

Бажовская энциклопедия / ред.-сост.: В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург : Сократ : Изд-во Урал. ун-та, 2007.

Барковская Н. В. Бажовские традиции в рассказе О. Славниковой «Сестры Черепановы» // П. П. Бажов в меняющемся мире / отв. ред. В. Б. Королева. Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2014. С. 168–171.

Батин М. А. Павел Петрович Бажов. Свердловск : Кн. изд-во, 1959.

Блажес В. В. Бажов и рабочий фольклор : учеб. пособие по спецкурсу для студентов филол. фак. Свердловск : УрГУ, 1982.

Литовская М. А. «Гений места» как авторская стратегия: изображение Урала // Гуманитарная география. Вып. 8. М. : Ин-т наследия, 2010. С. 6–14.

Литовская М. А. Жанровая система творчества П. П. Бажова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов, Т. А. Снигирева, Е. К. Созина и др. ; отв. ред. ак. В. В. Алексеев. Екатеринбург : УрО РАН, 2010. С. 434–452.

Павел Петрович Бажов : библиографический указатель (1913–2010) / сост. В. В. Горева, Н. В. Кузнецова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Панова Л. Г. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

Плотников И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. (Очерки истории Урала ; вып. 26).

Скорин Л. И. Павел Петрович Бажов. М. : Сов. писатель, 1947.

Слобожанинова Л. М. Возможности жанра // Русская литература. 1981. № 2. С. 29–44.

References

Abashev, V. V. (2014). Obrazy gornoj mifologii P. P. Bazhova v romane Ol'gi Slavnikovoj "2017" [Intermedial Transformations of P. P. Bazhov's Mountain Mythology in the Novel 2017 by O. Slavnikova]. In V. B. Koroleva (Ed.), *P. P. Bazhov v meniaiushchemsia mire* [P. P. Bazhov in the Changing World] (pp. 152–167). Yekaterinburg: Ob'edinennyj muzej pisatelej Urala.

Barkovskaya, N. V. (2014). Bazhovskie traditsii v rasskaze O. Slavnikovoj "Sestry Cherepanovy" [Bazhov Traditions in Olga Slavnikova's Story *The Cherepanova Sisters*]. In V. B. Koroleva (Ed.), *P. P. Bazhov v meniaiushchemsia mire* [P. P. Bazhov in the Changing World] (pp. 168–171). Yekaterinburg: Ob'edinennyj muzej pisatelej Urala.

Batin, M. A. (1959). *Pavel Petrovich Bazhov* [Pavel Petrovich Bazhov]. Sverdlovsk: Knizhnoe izdatel'stvo.

Blazhes, V. V. (1982). *Bazhov i rabochij fol'klor: uchebnoe posobie po spetskursu dlia studentov filologicheskogo fakul'teta* [Bazhov and Labour Folklore: A Textbook for a Special Course for Students of the Faculty of Philology]. Sverdlovsk: Ural State University.

Blazhes, V. V., & Litovskaya, M. A. (Eds.). (2007). *Bazhovskaia entsiklopediia* [Bazhov Encyclopaedia]. Yekaterinburg: Sokrat; Ural University Press.

Goreva, V. V., & Kuznetsova, N. V. (Eds.). (2011). *Pavel Petrovich Bazhov: Bibliograficheskij ukazatel' (1913–2010)* [Pavel Petrovich Bazhov: A Bibliographic Index]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Litovskaya, M. A. (2010a). "Genij mesta" kak avtorskaia strategii: izobrazhenie Urala ["Genius loci" as an Author's Strategy: The Image of the Urals]. *Gumanitarnaia geografiia*, 8 (pp. 6–14). Moscow: Institut naslediia.

Litovskaya, M. A. (2010b). Zhanrovaia sistema tvorchestva P. P. Bazhova [The Genre System of P. P. Bazhov's Creative Work]. In O. V. Zyryanov, T. A. Snigireva, & E. K. Sozina; V. V. Alekseev (Ed.), *Evol'utsiia zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshcherossiiskikh protsessov* [The Evolution of Genres in 17th–20th Centuries Ural Literature in the Context of All-Russian Processes] (pp. 434–452). Yekaterinburg: UB RAS.

Panova, L. G. (2017). *Mnimoe sirotstvo: Khlebnikov i Kharms v kontekste russkogo i evropejskogo modernizma* [Imaginary Orphanhood: Khlebnikov and Kharms in the Context of Russian and European Modernism]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.

Plotnikov, I. F. (2004). Pavel Petrovich Bazhov kak politik i istorik [Pavel Petrovich Bazhov as a Politician and Historian]. *Ocherki istorii Urala*, 26. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informatsii.

Skorino, L. I. (1947). *Pavel Petrovich Bazhov* [Pavel Petrovich Bazhov]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Slobozhaninova, L. M. (1981). *Vozmozhnosti zhanra* [The Potential of Genre]. *Russkaia literatura*, 2, 29–44.

Литовская Мария Аркадьевна

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
сектора истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской,
16
E-mail: marialiter@google.com

Litovskaya, Maria Arkadyevna

Dr. Hab. (Philology), Senior Researcher
Sector of History of Literature
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
Email: marialiter@google.com
Scopus AuthorID: 56971384900